

АВТОБИОГРАФИЯ

Как-то однажды написались такие строчки: "в стихах вся жизнь, а в прозе лишь фрагменты..." это говорила моя зрелость, в юности вряд ли такое могло прийти на ум. Хотя первая часть утверждения не оспаривалась мною никогда. Горы романов порой не скажут больше одной пушкинской строфы и даже строки. Например, всю взрослую сознательную жизнь я размышляю над тем, почему Пушкин обронил: "напрасно я бегу к сионским высотам".

Когда я родился, вторая мировая война взобралась на свой пик, откуда стала видна победа нашего народа над фашистской Германией и ее союзниками. Фрагментарно помню поездку с дальнего востока на родину отца в 1946 году. Украина лежала растерзанная, но мне понять этого по малолетству не было дано. Зато выставки трофейной техники и оружия в Москве и Киеве врезались в зрительную память. В книге "помните и верьте", написанной мною в год 60-летия победы, есть стихотворение "сражение в сокольниках" – прямой срезок той поры. Тогда же мне страшнее всего на свете казалась буква "ж". Я рано начал постигать азбуку, чем и заработал на ношение очков в старших классах школы. С годами пришло понимание произошедшего, в том числе и чуда моего рождения в разгар войны. Наверное, без этого я не стал бы поэтом. Без отцовской направляющей твердой руки и маминой теплоты - уж наверняка.

Детские, отроческие и ранние юношеские годы четко разделены были на три части. Жизнь в таежном селе Ромны, вплоть до четвертого класса школы. Походы за лесными орехами-лещиной, купание в озере кочковатом. Потом два года я был горожанином, пока отец учился в хабаровской совпартшколе. Я научился сноровисто грести на весельной шлюпке, мастерить авиамодели, увлекся фотоделом. Пять завершающих школярских лет прошли в центре амурского хлебопашества – молоканской "столице" Тамбовке. Много чего было, но выделю главное, что повлияло на мою будущую писательскую судьбу. У дружка-одноклассника Толика Дробязкина мы обнаружили на чердаке его дома настоящий клад – несколько тоненьких книжек Сергея Есенина издания 20-х годов начала минувшего века. Это потрясло на всю оставшуюся жизнь, словно в нас ударил разряд грозовой

молнии. Толика молния спалила, меня же оставила жить за двоих. Метафора, конечно. Но вы прочитайте мой рассказ "вечерний разговор о невозвратном", и вам откроются потаенности зарождения творческого духа. Трудности и радости той поры легли в строчки стихотворений и рассказов, так что отсылаю вас к моим книгам. Добавлю лишь, что в душе я до сих пор человек сельский, люблю ходить босиком по траве, копать в земле на огороде. Разумеется, рыбачить и собирать грибы-ягоды для меня первейшее удовольствие.

В доме царил культ книги, мама моя одно время даже заведовала районным книжным магазином. Это было действительно райское время, вслед за родителями я читал запоем, многого еще не понимая, книжки толстого и Шекспира, Пушкина и Лермонтова, Драйзера и Некрасова, Кольцова и Есенина... поверьте, всех страниц этой автобиографии не хватит только для перечислительного ряда имен. Мама укрепила меня в мысли, что литературное творчество – одно из самых лучших дел на свете. Она же побудила к занятиям спортом, надеясь тем самым укрепить мое здоровье, в добавление к парному молоку, которым поила свое чадо, отхаживая от неисчислимых детских хворей и напастей. И в том, что я в молодые годы стал чемпионом дальнего востока в десятиборье, есть несомненная мамина заслуга, а так же нашей красавицы-коровы Зойки. С неким юмором попробовал я рассказать об этом в стихотворении "первый тренер".

Осиротел я семнадцатилетним, и лишь по истечении двадцати лет, сравнившись возрастом с мамой, написал, как я полагаю, лучшую свою поэтическую вещь в память о маме – венок сонетов "ровесница". Беда настигла, когда я учился на втором курсе благовещенского государственного педагогического института. Там на историко-филологическом факультете я набирался ума-разума под руководством прекрасных педагогов А. Лосева, Б. Лебедева, А. Чешева, Е. Сычевского, В. Брысиной и многих других, которых не забыть никогда. Русский язык и литература открывались не только как способ общения и культурного досуга, но и как высокая наука. До сей поры карабкаюсь к вершине горы, порой обдираясь в кровь, уже и кислорода нехватка, а до цели не близко.

В институте начал профессионально заниматься журналистикой, был ответсекретарем многотиражки "за педкадры".

Затем этот путь продолжился работой в других газетах, на радио и телевидении. Год служил в советской армии рядовым войск пво, охранял приморское небо. Ракетами, подобными тем, которые я обслуживал, был сбит шпион Пауэрс над Уралом и немало американских бомбардировщиков в-52 во время войны во Вьетнаме.

Чем бы я ни занимался, вечера и ночи оставались для чтения и писания. Регулярный недосып не позволил мне подняться в спорте на уровень выше дальневосточного, но до сих пор выхожу иногда на старт и даже побеждаю. Теперь уже в ветеранских соревнованиях. Пытаюсь передавать свой опыт внукам, но у них свои приоритеты, и сожалеть об этом не приходится.

Мои увлечения позволили немало поехать по свету, после чего убедился окончательно в том, что мир огромен, а человеческая жизнь до чрезвычайности мала. Хотелось бы слетать на марс. В мыслях это возможно.

За свои полвека творчества написал около двух тысяч стихотворений, из которых опубликовал едва ли третью часть. Остальное хочу сжечь, да все руки не доходят. Не оставлять же черновики исследователям, я не настолько ношусь с собой, чтобы загружать аспирантов филфака копанием в моих каракулях.

Прозу писал всегда, но лишь в последнее время заставил себя собрать воедино свои рассказы и повести под одной обложкой. Получилась книга "свет памяти". О стихах продолжаю думать и сочинять некие строки порой даже во сне. Это как молитва богу. Мне кажется, он меня слышит, и этого мне довольно. Но кончается медитация, и начинаю собирать новую поэтическую книжку. Есть так в 2008 году появилась книжка стихотворений "простые ритмы". Вот одно из стихотворений, определивших название книги.

Амфибрахий

Под таким небом

Невольно художником станешь...

А. Майков

Амурские дали – картина родная.

Я ближе и краше природы не знаю.

Черемухи белой сплошное кипенье
Мне дарит весною свое вдохновенье.

Обрывы над Зеей, где белые горы.
Изгибы реки. Полевые просторы.

Пророчит кукушка мне долгие годы.
Орлан зазывает под небо свободы.

Саранки, кипрей, иван-чай по долинам
Колышутся ветром разгонистым, длинным.

В затоне дрожит поплавок от поклевки.
Зерно запасают на зиму полевки.
На клевере стадо пасется коровье.
Все дышит покоем, все грезит любовью.

И ласково шепчет полуденный дождик:
"не будь ротозеем. Где кисти, художник?"

И сам не заметил, как в 2010 году издал очередную книгу стихотворений "усталый путник".

Сколько новых стихотворений еще будет на моей стезе? Не ведаю. Бог весть. С тем и живу.

Игорь Игнатенко.

15 декабря 2011 г.